

Сведения об авторе

Яковлева Мария Геннадиевна – аспирантка Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра истории Нового и новейшего времени, научный руководитель доктор исторических наук, профессор В. Е. Возгрин.

E-mail: yakovlevamarie@mail.com.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ, 1920-1930-Е ГОДЫ

Резюме

Статья посвящена проблеме создания единой правовой среды для русских эмигрантов, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 года. В начале двадцатых годов правовое положение эмигрантов не было закреплено международным законодательством, а старые законы Российской империи потеряли юридическую силу. Перед европейским сообществом встал вопрос об урегулировании прав российских эмигрантов, о создании специального международного законодательства. Особое внимание уделено пребыванию русских переселенцев во Франции.

Ключевые слова: эмиграция, Россия, Франция, Русское зарубежье, закон, Лига Наций.

M. Yakovleva

Information about author

Yakovleva Maria Guennadievna – poste-graduate student of the Institute of History, Saint-Petersburg State University, the Chair of Modern and Contemporary History, Scientific advisor – Doctor of Historical Sciences, Professor V. E. Vozgrin, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: yakovlevamarie@mail.com.

THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN FRANCE (1920-1930)

Abstract

The article is devoted to the problem of creating a unified legal environment for Russian emigrants who left Russia after the October Revolution of 1917. In the early twenties, legal status of the emigrants was not fixed by international law and the old laws of the Russian Empire lost validity. The European Community had to resolve a question about the adjustment of the rights of Russian emigrants, the creation of a special international law. Particular attention is paid to Russian immigrants stay in France.

Keywords: emigration, Russia, France, Russian foreignness, law, League of Nations.

Многочисленные беженцы, покинувшие Россию после революционных событий 1917 года и последовавшей за ними Гражданской войны, оказались в трудном положении в странах-реципиентах. Их правовое положение не было закреплено международным законодательством, а старые законы Российской империи потеряли юридическую силу.

Перед европейским сообществом встал вопрос об урегулировании прав российских эмигрантов и создании специального международного законодательства, поскольку декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 года лишил российского гражданства всех, кто покинул Россию «без разрешения властей» после 7 ноября 1917 года, а также лиц, «пробывших за грани-

цей непрерывно свыше пяти лет и не получивших от Советских представительств заграничных паспортов или соответствующих удостоверений до 1 июня 1922 года» [9, с. 11]. Положение о гражданстве, принятое ЦИК СССР 29 октября 1924 года, подтвердило эти нововведения. Закон признавал утрату гражданства лицами, которые «выехав за пределы территории СССР как с разрешения органов СССР или союзных республик, так и без такого разрешения не возвратились или не возвращаются по требованию соответствующих органов власти» [10, ст. 202].

Миссия ликвидации беженства была возложена на Лигу Наций. 27 июня 1921 года Совет Лиги Наций учредил новую должность – Верховный комиссар по делам русских беженцев. Им стал Фритьоф Нансен, одновременно занимавший пост Верховного комиссара по борьбе с голодом в России. В деятельности Верховного комиссариата по делам русских беженцев можно выделить три периода. Первый – с 1921 по 1924 год. В это время прошла перепись эмигрантов в местах их расселения, в основном по европейским странам. Была также привлечена правительственная и благотворительная помощь, вводились идентификационные документы для русских беженцев [1, с. 12–13].

В сентябре 1921 года при Верховном комиссариате был образован Советательный комитет, в который изначально вошли только представители трех русских организаций (Совет послов, Земгор и Российское общество Красного Креста /РОКК/). Однако к 1935 году их число возросло до двенадцати. Комитет занимался подготовкой удостоверений личности для эмигрантов, лишившихся российского подданства [7]. В итоге, с 3 по 5 июля 1922 года в Женеве прошла конференция представителей правительств ряда стран мира, где был принят текст сертификата для беженцев. Именно он и получил название всем известного «нансеновского паспорта».

Соглашение от 5 июля 1922 года устанавливало правила для эмигрантов, после соблюдения которых страны-реципиенты признавали «нансеновский паспорт». Чтобы его получить, эмигранту требовалось заплатить за паспорт или его возобновление, иметь бумаги, подтверждающие статус эмигранта, и документы, удостоверявшие его личность (паспорт, выданный Царским или Временным правительством). Нансеновский паспорт объявлялся не действительным, если эмигрант въезжал на территорию Советской России, и не мог быть выдан тем лицам, кто легально из нее выехал. Сертификат выдавался правительством стран-реципиентов и составлялся на двух языках – национальном языке принимающей страны и французском. К 10 февраля 1923 года

нансеновский паспорт был признан 22 государствами, к марту 1924 года – 34, к началу тридцатых годов – 51 [1, с. 14–15].

Введение «нансеновского паспорта» стало ключевым моментом первого периода работы Верховного комиссариата. Для эмигрантов получение «паспортов» означало приобретение юридических прав в странах пребывания.

Второй период деятельности Верховного комиссариата по делам беженцев относится к 1925–1928 годам. В течение этого периода Лига наций занималась трудоустройством беженцев и определением их юридического статуса. С 1 января 1925 года по 20 сентября 1928 года трудоустройство находилось в ведении Международного бюро труда во главе с А. Тома. Верховный комиссариат продолжал также заниматься и правовыми вопросами. В частности, вводился принцип выдачи выездной визы наряду с визой на право обратного въезда в страну, выдающую сертификат [1, с. 15–16].

30 июня 1928 года состоялось подписание межправительственного Соглашения о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Закреплялось применение к беженцам права страны пребывания, однако в отдельных случаях допускались отступления в пользу законов Российской империи [1, с. 17]. Стоит отметить, что французское министерство юстиции циркуляром от 28 апреля 1928 года подчинило русских эмигрантов действию французских законов. Советские граждане, проживающие на территории Франции по документам СССР, подчинялись советским законам [2, с. 2].

Второй этап деятельности Верховного комиссариата завершился его преобразованием. 14 декабря 1928 года при нем учреждалась Межправительственная совещательная комиссия, которая ведала правовыми и организационными вопросами. Ее председателем стал французский юрист Л. Навайя [11, с. 28].

Третий этап работы Верховного комиссариата начался с 1929 года. С 1929 по 1938 год должность Верховного комиссара после смерти Нансена (май 1930 года) была упразднена, как и беженская секция в целом. С 1 апреля 1931 года создавался Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена во главе с М. Губером. Исполнительным органом офиса был Административный совет [1, с. 18].

Главным событием стало создание Конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Представители двенадцати стран подписали ее 28 октября 1933 года, однако до 1937 года конвенцию ратифицировали только восемь стран. Документ объявлялся обязательным для каждой принявшей его страны. Он не мог быть отменен по желанию властей той

или иной страны, а подлежал денонсированию в порядке, установленном для международных соглашений. Статьи конвенции подтверждали, что русские и армянские беженцы приравнивались в гражданских правах, в отношении судебных процессов и социального страхования к гражданам страны, в которой они проживали. Они получали также налоговые льготы. Нансеновские паспорта выдавались не менее чем на год и действовали как на въезд, так и на выезд из страны. Цена для паспортов и виз устанавливалась по самому низкому тарифу. Высылка из принимающей страны была возможна, но не в страны происхождения беженцев [3, с. 1].

Описанная выше ситуация была характерна для всех европейских стран. Однако процесс адаптации эмигрантов во Франции имел свои особенности. Стоит заметить, что Франция стала выдавать нансеновские паспорта с 1 января 1923 года. В 1924 году, когда она установила дипломатические отношения с СССР, бывшее посольство России закрыли. Эмигранты лишались официального представительства и защиты, так как советские дипломатические органы отказывались иметь с ними дело [8, с. 51]. В связи с этим создавались специализированные учреждения по делам русских беженцев. Так, в Париже 19 июля 1924 года было организован Эмигрантский комитет и исполнительное бюро во главе с бывшим послом В. А. Маклаковым [6, с. 23]. Комитет подтверждал юридическую силу документов, выпущенных еще представителями Российской империи, выдавал свидетельства о рождении и о вступлении в брак взамен утерянных. В случае необходимости вел дела русских переселенцев во французских судах по гражданским делам [8, с. 52]. Эмигрантский комитет старался улучшить положение эмигрантов: В. А. Маклаков, пользуясь своим влиянием во французских политических кругах, добивался отсрочек высылки, помогал в ускорении обмена рабочих карт. Для этого требовалось написать большое количество бумаг, лично встретиться с министрами и представителями администрации. Представители комитета разясняли беженцам их права, объясняли действие французских законов [4, с. 4]. Комитет являлся главной опорой для эмигрантов. Помогая обойти различные административные препоны, чтобы получить необходимые документы, он буквально сохранял жизнь русским эмигрантам.

Помимо получения нансеновского паспорта существовали и другие возможные пути, позволявшие остаться во Франции на законных основаниях, и получить французское гражданство. До 1927 года оформить французское гражданство можно было только после прохождения многоступенчатой и длительной процедуры. Эмигрант мог претендовать на

гражданство только через десять лет проживания во Франции, а его дети – после достижения двадцатичетырехлетнего возраста. Новый закон сокращал необходимый срок пребывания до трех лет, а для мужчин, женившихся на француженках – до одного года. Дети становились французскими гражданами сразу после получения гражданства отцом. Интересно, что француженки, вышедшие замуж за иностранцев, не лишались гражданства, как это было, например, в Германии [5, с. 127].

Еще одним способом обрести законное разрешение на пребывание во Франции было получение рабочей визы. Министерство иностранных дел Франции совместно с Министерством труда и сельского хозяйства выдавало при посредничестве многочисленных русских организаций ежегодно тысячи въездных виз с направлением на конкретное место работы. Делалось это для того, чтобы привлечь русских эмигрантов на тяжелую работу на машиностроительных и химических предприятиях и шахтах [5, с. 127]. Представители от французских заводов и горнодобывающих предприятий посещали такие места компактного проживания эмигрантов, как Белград, Софию и Бизерту. Французские консульства этих городов превращались в своеобразные биржи труда и выполняли предписание не только выдавать рабочие визы, но и брать на себя организацию проезда к новому месту жительства [8, с. 49]. Такая политика, проводимая в середине двадцатых годов, привлекла во Францию большое количество русских переселенцев из Болгарии и Чехословакии. Однако имея на руках только документы на работу, русские эмигранты все равно находились в тяжелом правовом положении. Разрешение на трудоустройство в других областях получить было крайне тяжело. Чтобы стать юристом, врачом или учителем, необходимо обладать французским гражданством или статусом ветерана французской армии, а также сдать экзамен на французский диплом [8, с. 55]. Для многих эмигрантов такие барьеры остались непреодолимыми.

При правительстве Народного фронта (1935-1938 годы) положение рабочих несколько улучшилось – эмигранты стали пользоваться теми же правами, что и коренное население, а крупнейший профсоюз – Всеобщая конфедерация труда – даже организовал русскую секцию, члены которой находились под его защитой наравне с французами [8, с. 55].

Вместе с тем существовали редкие примеры, когда нормы французского законодательства довоенного времени облегчали правовое положение русских эмигрантов. Например, закон об «эквиваленте», изданный во времена франко-русского союза, приравнивал русскую среднюю школу к французским лицам. В этом случае аттестат об окончании русской шко-

лы, даже если она функционировала в эмиграции, давал возможность продолжить обучение во французских высших учебных заведениях. Похожий закон давал право русским детям, получавшим образование во французских школах, выбирать в качестве обязательного иностранного языка русский, так он был включен в перечень наряду с немецким, английским и итальянским [5, с. 129].

Итак, положение русских эмигрантов оставалось трудным и зачастую до конца неопределенным. Особенно это касается первой половины двадцатых годов. Проблему беженцев европейским правительствам ликвидировать не удалось.

Ассимиляция проходила очень медленно. Русские эмигранты держались сплоченно, старались помочь друг другу. В период так называемой «первой волны» во Франции было создано большое количество русских организаций, которые старались облегчить положение эмигрантов, хотя, они приводили к тому, что русские жили в замкнутой среде и мало общались с коренным населением стран-реципиентов.

В начале тридцатых годов ситуация становится менее критической. В первую очередь это связано с уменьшением численности эмигрантов. Многие переселенцы, несмотря на все трудности, сумели получить французское гражданство. Положительную роль сыграло и то, что французские власти выдавали вид на жительство на большой срок, а для тех, кто располагал определенными средствами, ограничений не существовало вовсе [8, с. 38].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочарова, Зоя Сергеевна.* Деятельность Лиги наций по урегулированию статуса беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930 годы. СПб.: «Сударьяня», 2006. С. 10–25.
2. Возрождение. Париж, 1929. № 1627 (15 ноября).
3. Возрождение. Париж, 1933. № 3073 (31 октября).
4. Возрождение. Париж, 1936. № 3895 (1 февраля).
5. *Ипполитов, Сергей Сергеевич, Недбаевский, Владимир Михайлович, Руденцова, Юлия Игоревна.* Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. М.: СПАС: РГГУ, 1999. 206 с.
6. *Ипполитов, Сергей Сергеевич.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.
7. *Ковалевский, Петр Евграфович.* Зарубежная Россия: Историческая и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970 гг.): В 2-х т. Париж: Librairie des cinq continents, 1971. Т. 1.

8. Ковалевский, Петр Евграфович. Дневники (1918–1922). Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001. 574 с.
9. *Последние новости*. Париж, 1935. 3 ноября.
10. Раев, Марк. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1922. № 1. Ст. 11.
12. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1924. № 23. Ст. 202.
13. Таубер, Леонид Яковлевич. Лига наций и юридический статут русских беженцев. Белград, 1933. 204 с.

REFERENCES

1. Bocharova, Zoja Sergeevna. Dejatel'nost' Ligi nacij po uregulirovaniju statusa bezhencev [Activities of the League of Nations to regulate the status of refugees], in *Pravovoe polozenie rossijskoj jemigracii v 1920-1930 gody*. Saint-Petersburg: «Sudarynja» Publ., 2006. P. 10–25.
2. *Vozrozhdenie* [Resurgence]. Paris, 1929. № 1627 (November, 15).
3. *Vozrozhdenie* [Resurgence]. Paris, 1933. № 3073 (October, 31).
4. *Vozrozhdenie* [Resurgence]. Paris, 1936. № 3895 (February, 1).
5. Ippolitov, Sergej Sergeevich, Nedbaevskij Vladimir Mihajlovich, Rudencova, Julija Igorevna. *Tri stolicy izgnanija: Konstantinopol'. Berlin. Parizh*. Moscow: SPAS: RGGU Publ., 1999. 206 p.
6. Ippolitov, Sergej Sergeevich. *Rossijskaja jemigracija i Evropa: nesostojavshijsja al'jans* [Russian Emigration and Europe: the failed alliance]. Moscow: Ippolitova Publ., 2004. 376 p.
7. Kovalevskij, Petr Evgrafovich. *Zarubezhnaja Rossija: Istoricheskaja i kul'turno-prosvetitel'skaja rabota russkogo zarubezh'ja za polveka (1920-1970 gg.)* [Russia abroad: historical and cultural-educational work of Russia abroad for half a century (1920–1970)]. 2 t. Paris: Librairie des cinq continents, 1971. T. 1.
8. Kovalevskij, Petr Evgrafovich. *Dnevniki (1918–1922)* [Diaries (1918–1922)]. Т. 1. Saint-Petersburg: Europejskij dom Publ., 2001. 574 p.
9. *Poslednie novosti* [Latest News]. Paris, 1935. November, 3.
10. Raev, Mark. *Rossija za rubezhom: Istorija kul'tury russkoj jemigracii, 1919–1939* [Russia abroad: the history of the Russian emigration, 1919–1939]. Moscow: Progress-Akademija Publ., 1994. 296 p.
11. *Sobranie zakonov i rasporejzhenij rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva* [Collection of Laws and decrees of the workers' and peasants' government]. Moscow, 1922. № 1. Article 11.
12. *Sobranie zakonov i rasporejzhenij Raboche-krest'janskogo pravitel'stva SSSR* [Collection of Laws and decrees of the workers' and peasants' government of the USSR]. Moscow, 1924. № 23. Article 202.
13. Tauber, Leonid Jakovlevich. *Liga nacij i juridicheskij statut russkih bezhencev* [The League of Nations and the legal status of Russian refugees] Belgrad, 1933. 204 p.